

УДК 93.94

**РОССИЙСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В.А. Матвеев

**RUSSIAN SELF-DETERMINATION
OF MUSLIMS THE NORTH CAUCASUS
DURING THE FIRST WORLD WAR**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье представлен результат исследования интегрированности исповедовавших ислам соотечественников Северного Кавказа в российское согражданство. Анализу подвергаются некоторые аспекты ее формирования накануне Первой мировой войны, а также проявления общегражданской солидарности с ее началом в 1914 г. и по ходу последующего противостояния.

Abstract. The article presents the results of the study of the integration of the North Caucasus compatriots who professed Islam into the Russian citizenship. Some aspects of its formation on the eve of the First World War are analyzed as well as the manifestations of general civil solidarity with its beginning in 1914 and in the course of the subsequent confrontation.

Ключевые слова: интеграционные процессы, исламское вероучение, отечественное мусульманство, Первая мировая война, российское самоопределение, северокавказское преломление, цивилизационное совмещение.

Keywords: integration processes, Islamic faith, Russian Islam, World War I, Russian self-determination, North Caucasian refraction, civilizational alignment.

Накануне Первой мировой войны геополитические противоречия вокруг Кавказа резко обострились. Активизировала свою подрывную деятельность и турецкая агентура. Прикрываясь существовавшими якобы намерениями «исламского просвещения» и объединения «всех мусульман для прогресса» она всячески стремилась привлечь симпатии единоверцев. Занимавшиеся этим специальные комитеты не ограничивались в своей пропаганде пределами Османской империи и стремились к тому, чтобы способствовать «возрождению ислама в России» [1, л. 1], как важнейшего фактора для разрушения ее целостности. Противоборство за пересмотр сложившихся ранее государственных границ и передел зависимых владений в 1914 г. вступило в наиболее острую фазу. Затрагивало оно и территориальную целостность Российской империи.

В Турции с началом Первой мировой войны, по наблюдению министерства внутренних дел, активизировали деятельность религиозные движения, намеревавшиеся вместе с тем способствовать «возрождению ислама... в других

странах» и, в частности, на ее окраинах. На них возлагалась также обязанность «развивать панисламскую и пантюрокскую идею» в среде российских мусульман [1, л. 1]. Проникновение подготовленных для осуществления этих целей проповедников, по данным Министерства внутренних дел, происходило в значительных размерах. Засылались они во все губернии и области Российской империи «со значительным... мусульманским населением» [1, л. 1]. Привлекались для этого под разными прикрытиями и начитанные ходжи [1, л. 1], то есть те, кто в соответствии с предписаниями исламского вероучения совершил паломничество в «святые места». Посетившие их пользовались, как правило, высоким авторитетом у верующих. При совершении хаджа российскими подданными турецким спецслужбам только в отдельных случаях удавалось в их среде проводить вербовку.

На тех, кого все-таки удавалось привлечь к сотрудничеству, возлагалась обязанность после возвращения в Россию проповедовать идею «единства всего мусульманского мира» [1, л. 1]. Попытки проведения такой агитации как раз и фиксировались специализированными подразделениями Министерства внутренних дел в Петрограде, куда поступала информация с мест, и филиалами в субъектах с мусульманским населением. Завербованные возвращавшиеся в Россию паломники после совершения в соответствии с предписаниями ислама хаджа в Мекку «для поклонения гробу пророка Магомета» тем не менее встречались редко. Засылавшаяся с подрывными целями в период Первой мировой войны в пределы Российской империи агентура имела преимущественно зарубежное, как правило, турецкое, происхождение [2, л. 17].

Натолкнувшись на медленное распространение связанных с идеей панисламизма догматов на российских окраинах, и на Кавказе тоже, координаторы этой деятельности стали собирать сведения «для детального изучения образа жизни, религиозных и политических» настроений проживавших там народов. Главное внимание при этом уделялось возбуждению в массах фанатизма через «исламское просвещение» [3, л. 1–1-об.]. Содержание же его являлось всецело своеобразной технологией разрушения. Религиозные ценности являлись для нее лишь прикрытием. Составленный панисламистами проект «просвещения» использовался для возбуждения в массах фанатизма и разрушения государственной целостности России. На Кавказ завозились большие партии оружия и тем самым провоцировались восстания [4, л. 23]. Фактор «исламского просвещения» в проводимой политике задействовался и причастными к ее оформлению представителями русской администрации. Но оно имело нацеленность на цивилизационное совмещение.

В октябре 1914 г., турецкими панисламистами было составлено специальное воззвание мусульманам всего мира «Священная война обязательна», в котором утверждалось со ссылками на выдержки из Корана, что «все мусульмане, без различия национальности и подданства, являются, согласно велениям их религии, братьями и потому должны, под опасением небесной кары, всячески помогать друг другу» [3, л. 1]. В воззвании провозглашалась

борьба «за освобождение... народов, исповедующих ислам» [3, л. 1–1-об.]. Поднимался в этой связи в своеобразной постановке и территориальный вопрос [3, л. 3–5].

В распространявшихся турецкой агентурой пропагандистских прокламациях содержалось предписание, что «каждый верующий мусульманин должен считать себя воином, ибо настало время освободить мусульманские земли от неверных» [3, л. 3]. К ним были отнесены Астрахань, Казань, Крым, Туркестан и местности расселения российского казачества. В этих притязаниях обозначался и Кавказ. Необходимость отторжения данных территорий обосновывалась тем, что «они находятся в подчинении у неверных, хотя мусульманское население в них составляет большинство» [3, л. 3]. Текст заканчивался призывом «к немедленному объявлению священной войны» за их возвращение, к неподчинению «распоряжениям христианских правительственных властей», неуплате повинностей и регулярному истреблению иноверцев. Россия, как и ее союзники (Англия, Франция), обвинялась в этой связи в стремлении «погасить дивный свет магометанской религии» [3, л. 5].

Враждебную агитацию на ее территории активно проводили и иные зарубежные организации. Так, образованный в Германии «Союз для охраны германизма за границей» разослал по немецким колониям на окраинах империи, в том числе и на Кавказе, своих эмиссаров, которые порицали все русское и предпринимали усилия распространить в среде колонистов настроения пангерманизма [5, л. 1]. Опасность этих разновидностей агитации, в особенности панисламистской, для стабильности и целостности государства была очевидна [1, л. 1].

В ноябре 1914 г. «султан-халиф» объявил «джихад», вложив при этом особый смысл в его характер. Он заключался в том, что вооруженная борьба на истребление должна быть направлена не против всех иноверцев вообще, а только в связи со сложившимся моментом против одной группы держав, враждебных Османской империи и ее союзникам. В развитие этой инициативы мусульманский первосвященник («шейх-уль-ислам») сформулировал пять фетв, канонических толкований происходящих событий на основе Корана [6, с. 48]. «Россия, Англия и Франция, – утверждалось в них, – проявляют все старания – да упасет от этого Аллах – погасить высокий свет ислама» [6, с. 48]. Исходя из этого все мусульмане, проживавшие в пределах государств Антанты, призывались выступить против своих правительств, и это вменялось им в обязанность [6, с. 48]. Особый смысл в фетвах придавался и употребляемым понятиям. Выступали они не как правовые и политические заключения, а имели прежде всего направленность на формирование религиозной мотивации верующих за пределами Османской империи [7, с. 231].

Обращение с фетвами «шейх-уль-ислама» придавало призыву наиболее важное значение. Обладавшее этим титулом лицо в Османской империи воспринималось в качестве наделенного высшими религиозными и политическими полномочиями «старейшины ислама», призванного освещать решения

султана [7, с. 254]. Приписка к титулу «халиф» представляла последнего как «главу мусульманской общины», замещающего, как считалось у верующих, «пророка Муххамеда» [7, с. 237]. На окраинах отечественного Востока, в отличие от Османской империи, сложилась практика присваивать звание «шейх-уль-ислама» лишь шиитским и суннитским муфтиям [7, с. 254]. И, наконец, если в обычном применении «джихад» имеет более широкое толкование, включавшее в том числе духовное совершенствование, в тексте анализируемого воззвания он сводился лишь к борьбе за веру [7, с. 57]. Выделение смыслов с такой направленностью в самом Коране осуждалось: «вы верите в одни слова сей Книги и отвергаете другие...» [8, с. 42].

В дальнейших разъяснениях в фетвах указывалось на то, что «неверными следует считать только державы Антанты». Напротив, «Германия и Австрия» объявлялись «опорой... ислама». Наряду с этим утверждалось, что в наметившемся противостоянии ими обеспечивается и его «защита» [6, с. 48]. Однако данное обращение «султан-халифа» к мусульманам, содержавшее для усиления воздействия на верующих своеобразные теософские обоснования, не получило сколько-нибудь значительной поддержки в странах зарубежного Востока, в том числе даже таких, как Египет и Индия, где население имело в тот промежуток времени повышенную предрасположенность к восприятию веры в качестве важнейшего условия существования. На российских окраинах этот призыв встретил еще большую невосприимчивость [6, с. 48].

Столкнувшись с этой реальностью, панисламистские комитеты в Турции разослали в 1914 г. во все страны с мусульманским населением своих агентов для детального изучения образа жизни, религиозных и политических взглядов единоверцев с целью выработки мер для их последующего объединения и выявления возможностей возбуждения фанатизма, который к тому времени, по наблюдениям охранного отделения, на российских окраинах неуклонно ослабевал [3, л. 1–1-об.]. Пропаганда на этом направлении велась и отдельными сторонниками панисламистской и пантюркистской идей из среды российских мусульман и особенно при посредстве специально подготовленных лиц, проникавших в Россию из Турции под видом купцов, странствующих мулл, возвращавшихся из Мекки богомольцев после совершения паломничества (хаджа) и т. д. [3, л. 3].

Наряду с проповедями «о духовном и национальном единстве мусульман всего мира» велась агитация за признание руководящего значения для них единоверной Турции и ее халифа «в качестве духовного главы всего мусульманства» [3, л. 3]. Подрывная деятельность турецкой агентуры попадала в поле зрения соответствующих подразделений Министерства внутренних дел, но специальные разработки неизменно показывали устойчивость мусульманского населения на окраинах отечественного Востока к невосприятию агитации, направленной на разрушение целостности Российской империи [3, л. 1]. Исключения не воспринимались сотрудниками этого ведомства как представлявшие угрозу, и этим скорее всего объясняется то, что оперативные наблюдения не сопровождались принятием решительных мер, хотя они были, безусловно, необходимы.

На Северном Кавказе, например, отдельные представители мусульманского духовенства, преимущественно имевшие низший сан, проводили целенаправленную враждебную агитацию, способствовавшую насаждению в массах религиозной нетерпимости [9, с. 10]. В начале XX в. еще встречались эффендии и муллы, в частности, в Кубанской области, продолжавшие возбуждать население против России, «существующего строя... и правительства» [10, л. 229]. Они всячески стремились поддержать вражду к православным там, где она еще существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду [10, л. 229, 252]. Под ее воздействием появлялись и сепаратистские настроения.

После вступления в 1914 г. Османской империи в первую мировую войну на стороне Тройственного союза некоторые муллы заканчивали молитвы в мечетях призывами: «Да изгинет род русского царя!» В пророчествах они предсказывали, по свидетельству Х. Ошаева, основанному на личных воспоминаниях, неизбежный приход турок – «людей с черным флагом» [9, с. 10]. По его утверждению, у какой-то части мусульманского населения Терской области, преимущественно в чеченских селениях в горных районах, объявление войны было встречено «с тайным ликованием, с ожиданием всяких бед русскому начальству». Под воздействием религиозных проповедей враждебного содержания фанатичные массы «радовались каждой неудаче русских войск и печалились при неудачах Турции» [9, с. 10].

Однако в преобладающей степени мусульманское духовенство на том сложном и не определенном для будущего страны этапе старалось все же всячески формировать настрой на единство с Россией. Это проявилось и при встречах Николая II с его представителями во время поездки на Кавказский фронт во всех населенных пунктах края, где происходили остановки. Состоялась такая встреча, например, в Петровске 20 ноября 1914 г. По прибытии монарха 25 ноября в Дербент, с приветствием к нему в присутствии депутации от Дагестанской области, состоявшей из мулл, старшин и почетных лиц всех округов, обратился один из представителей исламского богословия З.Б. Тарковский. Речь была произнесена на кумыкском языке, с которого был сделан перевод. В ней З.Б. Тарковский, выражая преобладавшие настроения в среде исповедовавшего ислам населения Дагестанской области, особо подчеркнул: «Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры» [11].

Находясь на Кавказе, со своей стороны глава российского государства своим поведением подчеркивал личное уважение к этой религии. В Тифлисе, выполнявшем роль централизованного управления регионального центра империи, он встретился с представителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке [12, л. 11, 22–23]. В его присутствии закавказский муфтий свою молитву закончил словами: «Да благословит тебя, государь, всевышний царь-царей на мудрое, долгое и счастливое царствование, на благо своих подданных и на страх врагам твоим» [13, л. 90-х-об].

Изложенные высказывания представителей мусульманского духовенства свидетельствуют о том, что оно могло создать пророссийские толкования (тарикаты) ислама.

Но богословы данной конфессии не были сориентированы на это государственной властью. Приверженность сохранению целостности России как единого отечества демонстрировала при встречах с монархом и подавляющая часть мулл. Поездка Николая II на Кавказ в данный промежуток времени, судя по всему, неслучайна. Она явилась своеобразным откликом на цивилизационный вызов, который явился одним из немаловажных факторов противостояния в условиях начавшейся Первой мировой войны. «Султан-халиф», воспринимавшийся как обладатель верховных прав в среде всех мусульман не только Османской империи, объявил «джихад» в том числе и против России. Появились и канонические толкования происходящих событий на основе Корана «шейх-уль-ислама», имевшие по отношению к ней враждебную направленность [6, с. 48].

В события тем самым привносился с турецкой стороны духовный аспект, который мог сыграть деструктивную роль. Однако по шариату российский монарх тоже считался обладателем верховных прав на своих подданных, исповедовавших ислам. На Кавказе Николай II получил благословление всех высших представителей мусульманского духовенства, с пожеланиями «победы над врагами» [12, л. 11, 22–23; 13, л. 90-х-об], что также имело глубокий сакральный смысл. Но в наступивших для России испытаниях какая-то часть мусульманского духовенства северокавказской окраины занимала враждебные по отношению к ней позиции. Отмеченная двойственность продолжала сохраняться и, как показывали события, постепенно происходило ее углубление. Оно носило скрытый характер, и специальные службы империи не смогли, видимо, в должной мере оценить потенциал нарастающей угрозы.

Во внимание принималось преимущественно то, что устойчивость к деструктивным сепаратистским воздействиям, в том числе основанным на идее исламской исключительности и религиозного единства, демонстрировали и российские мусульмане. Получаемые оперативные сведения неизменно вскрывали эту тенденцию, имевшую в реальности явное преобладание. Само явление, как можно судить по их содержанию, не было осмыслено. Вместе с тем в среде исповедовавшего ислам населения Российской империи существовали и враждебные настроения. Инспирировались они и из-за рубежа. Этим старались воспользоваться соответствующие группировки.

В 1915 г. в Стамбуле создается Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России, распространявший слухи о якобы их «бедственном положении» [14, с. 162]. С этой целью его организаторы посещали европейские страны, где старались навязать свои представления. Информация направлялась и ряду правительств. В программу Комитета были включены и сепаратистские требования об образовании независимого от России Туркестана, а также воссоздания Казанского и Крымского ханств.

В 1916 г. на встрече активистов в Стокгольме был подписан меморандум, в котором содержались положения об угнетении народов России, нарушении их прав, в том числе в религиозных вопросах. Сообщение об этом по телеграфу было направлено президенту США Вильсону [14, с. 162]. Обвинения между тем не имели ничего общего с действительностью.

Восстания 1916 г. в Туркестанском крае исключением не являлись. С влиянием оппозиционных исламских группировок они, во всяком случае, не были связаны. Протестные движения в тот период, как можно судить по источникам, вызывались не клерикальными движениями, а реквизициями, введенными и на восточных окраинах Российской империи в период Первой мировой войны. Не прослеживается и какая-либо роль «идеологии тюркизма» в акциях недовольства. От реальности оторваны также утверждения о наличии «вооруженной освободительной борьбы» в мусульманских регионах. Опровергаются они, например, донесениями Министерства внутренних дел, в которых указывалось на то, что протесты не выходят за пределы общегосударственных задач и не имеют сепаратистской окраски.

В 1916 г. стало нарастать недовольство населения Казанской губернии мусульманской фракцией Государственной думы. В его среде возникли опасения, что получившая избирательные полномочия группа депутатов «не отражает и не отстаивает интересов многомиллионного мусульманского населения империи» [15, л. 35]. Проявлялись такие настроения и на Кавказе. Недовольство провоцировалось распространившимися слухами, что на предстоящей сессии Государственной думы «будут затронуты весьма важные для инородцев вообще и, в частности, для мусульман вопросы» [15, л. 35]. Велась агитация за необходимость командировать «в помощь членам фракции опытных и образованных общественных деятелей из различных местностей с мусульманским населением» [15, л. 38]. В этой связи Особый отдел канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе предпринял усилия взять под контроль это движение.

Начальникам губернских и областных жандармских управлений Кавказского края был разослан циркуляр с просьбой «уведомить, не предполагается ли командирование уполномоченных с указанной целью в Петроград... и, в утвердительном случае, сообщить подробные данные о личности командированных, политическом их направлении и тех... директивах, какие будут ими получены от местных мусульман, выяснив также... какие отдельные домогательства мусульман они намерены поддержать» [15, л. 38]. После изучения обстановки последовало разъяснение, что широкий размах это недовольство на Кавказе не обрело [15, л. 41].

К началу Первой мировой войны край продолжал оставаться зоной цивилизационного разлома, с существенно ослабленным, но сохранившимся тяготением к Востоку. Несмотря на это его ареалы превратились в составную часть российского государственного пространства. Воздействие происходивших в его пределах процессов на мусульманское население было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Становление

солидарной общности превращалось в устойчивый результат совместного исторического взаимодействия.

Самоопределение мусульманского населения, таким образом, происходило не только в эпоху установления государственного единства Северного Кавказа с Россией. Возобновлялось оно неоднократно и в последующие периоды сближения. Наиболее отчетливо интегрированность проявлялась с возникновением для российского согражданства внешних угроз. При таких же обстоятельствах преобладающей данная тенденция оказывалась и в начале XX в. Подкреплявшийся религиозной мотивацией остаточный сепаратизм не получал массовой поддержки.

Не воспринимался на российских окраинах с мусульманским населением, в том числе и на Северном Кавказе, и распространявшийся через подготовленных проповедников призыв об отторжении «исламских территорий». Альтернативу, связанную с разрушением единства мусульман Северного Кавказа с Россией, как проясняли в том числе события Первой мировой войны, можно было навязать только силой. За небольшим исключением не поддерживало ее и мусульманское духовенство края. Наряду с этим существовала и другая реальность. Отдельные представители мусульманского духовенства на Северном Кавказе проводили враждебную агитацию, продолжая настраивать верующих против России. Под ее воздействием возбуждался у части верующих фанатизм.

Между тем отечественное мусульманство, наряду с православием, играло конструктивную роль в сближении народов Северного Кавказа с Россией. Интегрированность исповедовавшего ислам населения края возрастала. Формировалась и соответствующая российская идентичность. Для ее укрепления необходим был приспособленный к исторической реальности богословский контент, становление которого из-за отсутствия религиозного центра (муфтиата) на Северном Кавказе и государственной поддержки происходило стихийно. Такая же ситуация была характерна и для других окраин отечественного Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. – Текст : непосредственный.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. – Текст : непосредственный.
4. ЦИАГ. Ф. 12. Оп. 13. Д. 254. – Текст : непосредственный.
5. ЦИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 656. – Текст : непосредственный.
6. Миллер, А. Ф. Османская империя (Султанская Турция) / А. Ф. Миллер. – М. : ВПШ при ЦК ВКП(б), 1946. – 56 с. – Текст : непосредственный.
7. Исламский толковый словарь / сост. Г. М. Гогиберидзе. – Ростов н/Д. : Феникс, 2009. – 266 с. – Текст : непосредственный.
8. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – 10-е изд., доп. – М. : РИПОЛ классик, 2008. – 800 с. – Текст : непосредственный.
9. Ошаев, Х. Очерк начала революционного движения в Чечне / Х. Ошаев. – Грозный : Общество долой неграмотность, 1927. – 26 с. – Текст : непосредственный.

10. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. – Текст : непосредственный.
11. Дагестанские ведомости. – 1914. – 7 декабря. – Текст : непосредственный.
12. ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387. – Текст : непосредственный.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. – Текст : непосредственный.
14. Червонная, С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории / С. Червонная. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 2003. – № 5.
15. ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Tsentrалnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 17, inventory 2, case 1133.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [The State Archive of Krasnodar Krai]. Fund 454, inventory 1, case 215.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti* [The State Archive of Rostov Oblast]. Fund 826, inventory 1, case 285.
4. *Tsentrалnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 12, inventory 13, case 254.
5. *Tsentrалnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 17, inventory 2, case 656.
6. Miller A. F. *Ottomanskaya imperiya. (Sultanskaya Turtsiya)* [The Ottoman Empire (Sultan Turkey)]. М., HPS at CC ACP, 1946. 56 p.
7. Gogiberidze G. M. *Islamskii tolkovyi slovar* [Islamic Explanatory Dictionary]. Rostov-on-Don, Phoenix, 2009. 266 p.
8. *Koran. Perevod smyslov i kommentarii Iman Valerii Porokhvoi* [The Koran. Translation of Meanings and Comments by Iman Valeria Porokhova]. М., RIPOLL Classic, 2008. 800 p.
9. Oshaev Kh. *Ocherk nachala revolyutsionnogo dvizheniya v Chechne* [An Essay on the Beginning of the Revolutionary Movement in Chechnya]. Grozny, the Chechen Society "Down with Illiteracy", 1927. 26 p.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [The State Archive of Krasnodar Krai]. Fund 454, inventory 1, case 5701.
11. *Dagestanskii vedomosti* [Dagestan Bulletin]. 1914. 7 December.
12. *Tsentrалnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 13, inventory 3, case 1387.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund 270, inventory 1, case 86.
14. Chervonnaya S. Pan-Turkism and Pan-Islamism in Russian history. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, 2003, No. 5. (In Russian).
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [The State Archive of Krasnodar Krai]. Fund 454, inventory 3, case 6453.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Российское самоопределение мусульман Северного Кавказа в период первой мировой войны / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 72–80.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveyev V. A. Russian Self-determination of Muslims the North Caucasus During the First World War / V. A. Matveyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 72–80. (In Russian).